

Среда, 27 января 1910 года.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

№. 975.

Ницшеанецъ Вафля *).

Единственного настоящаго ницшеанца въ современной намъ художественной литературѣ изобразилъ несомнѣнно Чеховъ.

Это—Вафля изъ „Дяди Вани“.

Попытки многихъ нашихъ беллетристовъ послѣ-ницшевскаго періода облечь въ російскую плоть идеальную схему нѣмецкаго новатора—отнюдь не привели къ побѣднымъ результатамъ.

Достаточно указать на то, что наибольшій триумфъ въ этомъ состязаніи отечественныхъ „нѣвцовъ“

*) Обращаемъ вниманіе читателей на эту статью Ал. Вознесенскаго. Въ ней авторъ даетъ совершенно новую и оригинальную оцѣнку истиннаго „ницшеанства“, послѣ того какъ многіе годы у насъ „ницшеанцами“ почитались только—по мѣткому выраженію г. Вознесенскаго — „колумбы дамскихъ панталонъ“. Любопытно также обоснованіе авторскихъ положеній именно на фигурѣ чеховскаго Вафли.

Ред.

сверхъ-человѣка" вынאלъ на долю моднаго теперь писателя—Арцыбашева. Трудно придумать, между тѣмъ, болѣе вульгарныя, рыночныя одежды, чѣмъ тѣ, въ какія обрядилъ авторъ „Санина“ данный ему благородный, строгій манекенъ изысканнѣйшей философской фирмы.

Но Чеховъ—единственный, кого хочется любить иѣжикѣ, чѣмъ самого себя!—чуднымъ Чеховъ уже давно сумѣлъ незаметно подарить намъ истинный образъ ницшевскаго человѣка. И не надо намъ брать, конечно, ничего изъ грубыхъ издѣлій и поддѣлокъ, которыя теперь обильно навязываютъ публикѣ торговцы литературнаго базара.

Пусть печальной памяти „фальконды“ *) и „санины“ повѣйнаго рецепта рисуютъ себѣ своихъ „сверхъ-человѣковъ“ въ подобающихъ званію героическихъ позахъ,—мы знаемъ, вѣдь, что истинный Ницше заповѣдалъ:

— Хранить героя въ душѣ своей.

Истиннымъ Ницше любилъ тѣхъ, кто не умѣетъ жить. И истинный Ницше понималъ:

— Вы, вышніе люди, развѣ не все вы—неудачники?

Вотъ почему въ явномъ неудачникѣ—обѣдѣвшемъ помѣщикѣ Телѣгинѣ, живущемъ теперь на положеніи приживальщика въ усадьбѣ Серебрякова и прозываемомъ Вафлей—мы не побоимся заподозрить ницшеанца.

А, заподозривъ, не побоимся (о, Боже, не достаточно ли мы, вообще, уже боялись?) и проверить. По Чехову и по Ницше.

Телѣгинъ. Въ самоварѣ уже значительно понизилась температура.

Елена Андреевна. Ничего, Иванъ Ивановичъ,—мы холодный выпьемъ.

Телѣгинъ. Винавать съ. Не Иванъ Ивановичъ, а Илья Ильичъ-съ... Илья Ильичъ Телѣгинъ, или, какъ нѣкоторые зовутъ меня по причинѣ моего рыбьего лица—Вафля. Я когда-то крестилъ Сонечку, и его превосходительство, вашъ супругъ, знаетъ меня очень хорошо. Я теперь у васъ живу-съ, въ этомъ имѣніи-съ. Если изволили замѣтить, я обѣдаю съ вами каждый день.

— Но гдѣ оскорблена гордость, тамъ вырастетъ нѣчто лучшее, чѣмъ она. Такъ говоритъ Заратустра. И развѣ не лучше, не изумительнѣе, не сверхъ-человѣчно рядомъ съ пошлымъ шаблономъ человѣческой гордости звучить для души вашей необычайная музыка иѣживѣйшаго смиренія:

— Если вы изволили замѣтить, я обѣдую съ вами каждый день.

Но за то у Вафли есть иная, не нашего обихода парадная гордость, а истинная гордость истиннаго ницшеанца.

Телѣгинъ. Позволь, Ваня. Жена моя бѣжала отъ меня на другой день послѣ свадьбы съ любимымъ человѣкомъ по причинѣ моей непривлекательной наружности. Послѣ того я своего долга не нарушалъ. Я до сихъ поръ ее люблю и вѣренъ ей, помогаю чѣмъ могу, и отдалъ свое имущество на воспитаніе

дѣточекъ, которыхъ она прижила съ любимымъ человѣкомъ. Счастья я лишился, но у меня осталась гордость.

— Человѣкъ есть нѣчто, что должно преодолѣть.

— Въ человѣкѣ важно то, что онъ мостъ, а не цѣль.

— Я люблю того, кто стыдится, когда счастье выпадаетъ на его долю.

— Благороднѣе терпѣть несправедливость, чѣмъ охранять право свое, въ особенности если справедливость на твоей сторонѣ.

— Совѣсть духа моего требуетъ отъ меня, чтобы я зналъ что-нибудь одно и не зналъ ничего остального: мнѣ противны все полуизмѣренія духа.

— А гдѣ есть жертва, служеніе, взоры любви, тамъ есть стремленіе быть господиномъ.

Такъ говоритъ Заратустра.

И развѣ не о Вафлѣ говоритъ онъ? Развѣ не Вафля тотъ, кто преодолевъ человѣка? Не Вафля тотъ, кто видитъ мостъ въ себѣ, но не цѣль? Не Вафля,—стыдливо отвернувшійся отъ личнаго счастья? Не Вафля,—несущій крестъ несправедливости взаменъ охраны своего права? Не Вафля, взявшій на себя одно—сверхъ-человѣческое, и не знающій человѣческихъ полуизмѣреній духа? Не Вафля, черезъ жертву, служеніе и взоры любви ставшій воистину господиномъ, ибо—господня тотъ, кто умѣетъ повиноваться самому себѣ.

Я не знаю, искренно-ли вѣрять „фальконды“ и „санины“ въ то, что истинными ницшеанцами выглядят ихъ молодцеватые герои, колумбы дамскихъ панталонъ, всю жизнь кладущіе на „жалкое наслажденіе быть вдвоемъ“.

Но я знаю навѣрное, что заратустровъ возгласъ „о, жалкое наслажденіе быть вдвоемъ!“ для Вафли, какъ для истиннаго ницшеанца, былъ звукомъ, вполне аккомпанирующимъ нѣию его ясной души. И передъ свѣтлыми уладами, какія знала его душа, наслажденіе „быть вдвоемъ“ было поистинѣ—жалкимъ.

И всегда и во всемъ, какъ поступалъ Вафля, былъ онъ истиннымъ ницшеанцемъ, словно зналъ, и любилъ, и бережно хранилъ прямые заветы Заратустры.

Когда дядя Ваня, милый, добрый дядя Ваня, отчаявшись въ долгой, ненужно-добродѣтельной жизни, кричитъ:

— Зачѣмъ я не крадъ? Отчего вы не презираете меня за то, что я не крадъ? Это было бы справедливо, и я теперь не былъ бы нищимъ!—увѣщевая, цѣлуетъ его Вафля. Цѣлуетъ, ибо еще любить его, хотя словъ его уже не любитъ. Но вотъ кричитъ дядя Ваня профессору:

— Ты погубилъ мою жизнь! По твоей милости я истребилъ, уничтожилъ лучшіе годы своей жизни! Ты—мой злѣйшій врагъ!

Все остается, но Вафля—одинъ—„въ сильномъ волненіи уходитъ“. Совѣсть его ницшеанскаго духа требуетъ, чтобы стерпѣлъ человѣкъ несправедливость, а не охранялъ право свое... И за эти слова не можетъ уже любить Вафля дядю Ваню.

*) Отъ Фалька Пшибышевскаго.

— Гдѣ нельзя уже любить, тамъ нужно пройти мимо.

Такъ, не уча, научилъ Вафлю Заратустра.

— О, если-бъ научились мы больше радоваться, то разучились бы обижать другихъ и выдумывать скорби!

Гдѣ же это, гдѣ такъ чудесно подслушалъ ученіе великаго перса обѣдѣвшій русскій помѣщикъ Телѣгинъ.

— Бду-ли я ночью, Марина Тимофеевна, гуляю-ли въ тѣнистомъ саду, смотрю-ли на этотъ столъ, я испытываю неизъяснимое блаженство. Погода очаровательная, птички поютъ... Чего еще намъ?

Это говоритъ Вафля, „научившій радоваться“ и потому „разучившійся обижать другихъ и выдумывать скорби“. Но этого не говорить—и ни за что не скажетъ, не правда-ли?—ни одинъ изъ тѣхъ сдѣланныхъ на заказъ ницшеанцевъ, которые въ теченіе послѣднихъ лѣтъ обижаютъ людей (особенно женщинъ) и „выдумываютъ скорби“ на сотняхъ и сотняхъ страницъ новой беллетристической литературы.

Много шума и бума подняли вокругъ себя псевдо-ницшеанскіе верзилы, въ позѣ зазнавшихся парикмахеровъ требовавшіе у русской мыслящей массы признанія за ними правъ на званіе носителей ницшеанской благодати. И грустиѣ всего было то, что являлись къ намъ эти самозванцы съ рекомендаціями, подъ которыми часто стояло громкое писательское имя.

Но тихо говорить голосъ красоты: онъ проникаетъ только въ самыя чуткія души.

Вотъ—великія слова Заратусты. И вотъ—великая правда о чудесномъ писателѣ, который голосомъ несказанной красоты тихо проникъ въ наши души и отпечатлѣлъ въ нихъ нѣжнѣйшій образъ иной, сверхъ человѣческой души...

Образъ Вафли—истиннаго ницшеанца.

Ал. Вознесенскій.

